

Коротина Е.Ю.(ВГУ)

Образы славянской мифологии в творчестве К. Д. Бальмонта.

Поэт-теург Серебряного века не может творить из ничего, он извлекает из общечеловеческого идейного наследия некие словообразы и разворачивает понимание их значения, используя как уже сложившееся, готовое мифологическое толкование, так и свое творческое мировоззрение, выражая в творчестве стремление к продолжению того ряда идей, который используется в том или ином случае. Можно назвать это явление сотворчеством, продолжением мифотворчества, теургией. Например, `солнце` Бальмонта уже вмещает в себя основные мифологические представления об этом светиле, это Ра древних египтян, древнегреческий Гелиос, Дажьбог и Ярило славян. Героическая и отважная сила, творческая и направляющая, несокрушимая и жизнедательная, `солнце` в представлении поэта одновременно является и солнцем спасения, солнцем справедливости, оно уже не только божественное око, но и сам Бог.

Одежда у Солнца с короною – царские,
Много тысяч есть ангелов с ним.

Неслучайно символистов упрекали в вольном обращении с религиозной символикой, в их творчестве можно найти переосмысление и новый взгляд как на христианство, так и на другие религии. Но нельзя забывать и о том, что искусство символизма все-таки всегда направлено ввысь, к иной действительности, к постижению высшей божественной реальности.

Давая определение искусству, один из идеологов символизма А. Белый писал, что основное содержание искусства – это познание идей, тех идей, которые лежат в мире духа, в том ином мире, о котором так или иначе говорили многие философы и поэты рубежа эпох. Любая мифология стремится к тому же, к познанию мира и бытия в самом широком смысле. Поэтому миф для искусства символизма становится точкой отсчета. По словам В. Иванова, символ – всегда есть воспоминание о прежней культуре. Продолжая эту мысль, можно отметить, что значение любого словообразу или символа всегда строится на его мифологическом происхождении. Одну и ту же идею о жизни вселенной и строении мироздания можно передавать самыми различными способами. Доказательством тому служат ярко выраженные общие мотивы в древнейших верованиях всех народов: различаются имена, варьируются сюжеты, но основное содержание остается сходным. Неслучайно А.Н.Афанасьев, говоря о тех или иных образах славянской мифологии, постоянно сравнивает их с индийскими «Ведами» (наиболее частое сравнение), а также с греческой и скандинавской мифологией, находит

параллели и в немецком историческом эпосе. Как пример этой общности и коренного сходства выделяется так называемое «древо жизни», в том или ином виде присутствующее в верованиях всех древних народов, населявших Землю.

Также и поэт, особенно поэт-теург Серебряного века, раскрывая в творчестве свое духовное видение действительности, может использовать в работе над своими произведениями самые разнообразные образы, выражая с их помощью собственное представление о мире.

Размышляя над поэтическим искусством, Александр Блок писал в своем дневнике:¹ «Что такое поэт? – человек, который пишет стихами? Нет, конечно. Поэт – это носитель ритма. В бесконечной глубине человеческого духа, в глубине, недоступной для слишком человеческого, куда не достигают ни мораль, ни право, ни общество, ни государство – катятся звуковые волны, родные волнам, объемлющим вселенную, происходят ритмические колебания, подобные колебаниям небесных светил, глетчеров, морей, вулканов».

Таким образом, личность поэта – творца уже несет в себе некую реальность, для воплощения которой в пространстве поэзии может служить как древнегреческая мифология, так и древнеиндийская философия, религиозная христианская мысль и славянские языческие верования. Это объясняет наличие в творчестве Бальмонта сонетов на восточные мотивы, шотландских напевов, образов Данте, Прометея, Экклезиаста, и многих других, самых разнообразных сюжетов. Вариативность в использовании тем говорит о том, что они являются лишь внешней формой, путем, способом для выражения некой внутренней сути явлений, которую стремится постигнуть через творчество сам автор.

Афанасьев писал о мифологии, что она такая же наука, как наука о допотопных животных, что она воссоздает целый организм по разрозненным остаткам старины. Поэт, открывая свою книгу «Жар-Птица. Свирель славянина», пишет:

Народные поверья –
Неполные страницы,
Разрозненные перья от улетевшей птицы.

Жар-птица в восточно-славянской сказке – чудесная птица, каждое перо ее «так чудно и светло, что ежели принести его в темную горницу, оно так сияло, как бы в том покое было зажжено великое множество свеч». Золотая окраска Жар-птицы, ее золотая клетка связаны с тем, что птица прилетает из другого, «тридесятого» царства, откуда происходит все, что окрашено в золотой цвет.²

В контексте Бальмонта сказочное истолкование этого образа расширяется, золотой цвет- цвет солнца, потому саму птицу можно соотносить с солнечным светом, следовательно, и со всей солнечной символикой, развиваемой Бальмонтом. Поэт уточняет и местонахождение «тридесятого царства». Его птица прилетает из тех краев, где «Море с Небом слито». Согласно языческим представлениям, небо – стержень мироздания, символ вселенской гармонии и порядка.

Небо считалось источником жизни. С другой стороны, значение `небо` нередко соотносится со значением «пропасть, пучина, зияние» – символ рождения и смерти, дня и ночи. Таким образом, поэт переводит Жар-Птицу в надреальность, в ту иномирную безбрежность и беспредельность, мыслью о которой пронизано все творчество Бальмонта.

Философы начала XX века, современники Бальмонта, В.Соловьев, А.Бердяев, П.Флоренский отмечали и настаивали на связи искусства с инобытием и, охватывая проблески вечной красоты в нашей действительности и продолжая их далее, приоткрывает нездешнюю, иную, грядущую действительность и, таким образом, служит связующим звеном между настоящим и будущим.

Мифотворчество древних, имея тот же источник – красоту природы и стремясь посредством этой красоты осмыслить жизнь человека, лежит в несколько иной плоскости, чем поэзия символистов начала века. Посмотрим на некоторых примерах, что же изменяется в образах славянской мифологии, прочтенных через сюжеты стихотворений Бальмонта. Наряду с именами различных богов как высшей, так и низшей мифологии славян, суеверными рассказами и заговорами, в книге «Жар-птица. Свирель славянина» встречаются и герои былинного эпоса. Самое популярное в русском народе имя Ильи Муромца не могло остаться без внимания Бальмонта. А.Н.Афанасьев пишет о нем, что выступая в народном эпосе, он усваивает себе и черты более древние, принадлежащие к области мифических представлений о богегромовнике, по мнению ученого то, что он сидит 30 лет без движения означает, что Перун не проявляет себя в грозе, живая вода или пиво, которое пьет Илья Муромец – старинная метафора дождя, а змей, с которым идет бороться богатырь – демонический представитель зимних облаков и туманов.³ Итак, точки зрения славянской мифологии этот образ объясняется посредством природных стихий и их взаимодействия. У Бальмонта же Илья Муромец предстает в несколько ином виде:

Тайновидец бытия,
Русский исполин.
Гений долгих вещей снов,

Потерявших счет.

Или:

Гений таинства души,
Что мертва на взгляд,
Но в таинственной тиши
Схоронила клад.

Подобно тому, как Блок через свои произведения пытался найти Вечную Женственность, следуя за идеей Соловьева о Софии, так Бальмонт в стихотворениях о богатырях стремился воплотить мысль о силе героического мужского начала, которое скорее является философским понятием, нежели мифологическим. Именно поэтому богатыри Бальмонта бессмертны:

Богатыри, вы боги,
Вам жить и жить всегда.

Другим аспектом бессмертия богатырей, о котором говорит поэт, является то, что богатырская сила переносится в область человеческого духа и становится силой, способной изменить реальную действительность. В этой связи А. Ф. Лосев писал: «Всякий символ, во-первых, есть живое отражение действительности, во-вторых, он подвергается той или иной мыслительной обработке и, в-третьих, он становится острейшим орудием перedefinition самой действительности».

Книга «Жар-птица» состоит из четырех частей: «Ворожба», «Зыби глубинные», «Живая вода», «Тени богов светлоглазых». В каждой части поэт берет за основу те или иные образные моменты из славянской мифологии. Например, в первой части это народный заговор, во второй – старинные предания («В начале времен. Славянское сказание», «Глубинная книга», «Наваждение. Владимирское предание»), в третьей – героический эпос («Светогор и Муромец», «Вольга», «Микула Селянинович», «Садко»), в четвертой на первый план выступают боги и духи.

Заговор, являющийся основной темой первой части книги, несет в себе обломки древних языческих молитв и заклинаний. Их значение идет от понимания древними могущества слова, возможности которого они считали безграничными. По определению Афанасьева заговорное слово управляло стихиями, творило урожаи и бесплодие, даровало счастье или несчастье, обладало силой пробуждать любовь, делало воина неуязвимым и т.д. Он пишет: «...слово это может творить чудеса, подчиняя воле заклинателя благотворные и зловердные влияния всей обожествленной природы».⁴

Посмотрим значение слова у Бальмонта:

Слово мое не преидет, горе и смерть врагу
Слово мое как Судьба, бойся встречаться с нею.

Здесь можно отметить, что из области бытийной, чудес, связанных с природой и человеком, слово у Бальмонта становится судьбой в значении «суд божий». От славянской мифологии мы идем к восточной философии, где испокон веков было поклонение Слову-Богу. Сквозь фольклорные и мифологические мотивы просвечивает неизменный интерес поэта к связи человека и вселенной, его космическое мироощущение.

Еще одним примером того, каким образом автор превращает древние сюжеты и верования в рабочий материал для раскрытия своих космогонических идей может служить стихотворение «Радуга». По мифическому представлению древних индийцев, радуга есть боевой лук Индры, с помощью которого этот бог-громовержец пускает свои стрелы, в славянской мифологии она представляет лук Перуна, следующее ее значение – небесная змея, пьющая моря, реки и озера, по внешнему сходству уподобляется она и мосту. В народных сказках – полотенце, которое повисает через реку высоким красивым мостом.⁵

У Бальмонта есть все эти значения, но его радуга превращается в мост, соединяющий Землю и Небо, восходит к Богу:

Пояс цветной из играющих звезд,
Царский убор из небесных лучей,
Божий престол,
Божий алтарь для возженья
неузнанных дней»

П.В.Куприяновский, много лет изучавший творчество Бальмонта, в своей статье «Поэтический космос Константина Бальмонта» отмечает, что увлекаясь после 1905 года славянской мифологией и фольклором и перелагая их образы в стихотворных произведениях, не обходит явления космизма в них. Можно к этому добавить, что именно космизм и является тем основным стержнем, на который нанизываются фольклорные и мифологические мотивы.

Космическое сознание исходит из положения, что человек является частью Вселенной. Оно зародилось в мифологических воззрениях древних: в индийских «Ведах», Упанишадах, иранской «Зенд-Авесте», египетской «Книге мертвых», Апокалипсисе, русской Голубиной книге и других мифологических творениях. К. Бальмонта можно полноправно назвать носителем идей этого космического сознания, во главу угла он ставил проблему личности в ее отношении ко всей Вселенной и все его творчество отталкивается от таких понятий, как Хаос и Космос, Жизнь и Смерть, причем не только отдельного человека, но и всего

мира, масштабы, заданные в поэзии Бальмонта – беспредельность, безбрежность, бесконечность. Вследствие вышесказанного те славянские образы и сюжеты, которые мы встречаем в книге «Жар-птица. Свирель славянина» дают возможность поэту воплотить идеи, его вдохновлявшие. Показателен в этом отношении тот факт, что в том же 1906 году, когда была написана книга, о которой мы ведем разговор, Бальмонт работает над лекцией «Поэзия Космогонии». Таким образом, можно утверждать, что исходным пунктом всего его творчества является восприятие лирическим героем всей картины мироздания, разгадывание непостижимой тайны бытия, а одним из ключей к разгадке вселенских загадок служат для поэта различные древние космогонические предания. В заключении представляется необходимым проиллюстрировать эту мысль отрывком из стихотворения Бальмонта о глубинной книге:

Книгу Бездны, в чьи листы мы каждый день и час глядим,
Он сполна хотел прочесть, забыл, что Бездна – внепричинная,
И на вечность, на одну из многих вечностей, пред ним
Заперлась, хотя и светит, книга – Исповедь.

Примечания.

¹ Блок А. Дневник. – 1989. – С. 334

² Словарь «Славянская мифология». – М., 1995. – С. 180

³ А. Н. Афанасьев. Древо жизни. – М., 1983. – С. 87-90

⁴ Афанасьев А. Н. – М., 1983. – С. 107

⁵ Там же, с.